

Глава 1. Мишень под землей

Санкт-Петербург, адмиралтейство, кабинет последнего морского министра Российской империи, Ивана Григоровича

Как и положено, в кабинете высокого морского чина пахло хорошим табаком и под стать отменным ромом. Компания в таком-то месте собралась необычная: несколько высших офицеров ВМФ России и столько же в гражданском, в приличных костюмах, при галстуках. И невооруженным глазом было заметно, свою одежду сидевшие напротив офицеров носить не умели, не сидело цивильное на них, и все тут. Этим ребятам скорей подошла бы привычная для них одежда: джинсы, кроссовки, свитер — универсальная одежда для молодых ученых.

Вошел адмирал. Все встали. Адмирал на ходу жестом указал садиться.

— Предлагаю без официоза, времени нет, совсем нет. Сергей Павлович, докладывай.

Внушительный боевой офицер в чине капитана первого ранга кивнул и доложил:

— Объект 02342* завершен и готов к испытанию, планируем ко Дню морской пехоты, к двадцать седьмому ноября. Осталось утвердить вахтенного на автономку.

— Кандидаты?

Батин Сергей Павлович, которого все звали Батя, уверенно выложил на стол дело.

Адмирал удивленно приподнял брови:

— Один?

— Так точно, Виктор Викторович, один. Ручаюсь за него, блестящий боевой офицер, капитан третьего ранга, специалист по стрелковому вооружению, — отчитался Батя, с небольшой заминкой дополнив: — Лучший специалист, допуск по секретности полный. Присутствующие офицеры с кандидатурой соискателя согласны, с научным отделом Минатома, — мужчина кивнул на сидевших напротив гражданских, — также все согласовано.

— Оружейник? — хмуро смотря в глаза подчиненному, спросил адмирал.

— Так точно, — ответил Батин и скрипнул зубами.

— Не скрипи зубами, не скрипи, черт морской. Как он?

— Держится.

Адмиралу вдруг вспомнилось, как его в первый раз жизнь столкнула с Оружейником. Они тогда болтались в Атлантическом, как же, совместные учения с НАТО. По окончании к ним на флагман напросилась целая толпа натовских офицеров, чтобы отметить успешное окончание.

«Ага, отметить, жалом поводить, нос свой лисий куда не следует сунуть», — усмехнулся про себя Виктор Викторович.

Суть да дело, за столом зацепились за стрелковое оружие, мол, все у русских хорошо, а вот снайперское оснащение дерьмо. Провокация чистой воды, и ведь повелись. Итальянцы тогда

быстро все организовали, демонстративно две бутылки из-под шампанского за борт, с катера подняли снайперку и спеца — заранее подготовились, заразы. Бутылки, покачивающиеся золотыми головками, уже прилично отнесло течением. Надо сказать, стрелять с палубы то еще искусство, качка меткости не прибавляет. Итальянский стрелок метился долго, выстрел, второй — попал. Все кричали, хлопали в ладоши, а вот и подход. Один из офицеров нагло так, с поддевкой сказал:

— Если из ваших кто-то с пяти выстрелов попадет, с нас ящик лучшего шампанского.

Адмирал снова улыбнулся, досконально все вспомнилось: тепло, чайки кричат, пахнет океаном, и слащаво-ехидные лица партнеров задевают самолюбие.

— Батин, что делать будем?

Оказалось, Батя уже подсуетился. К нему по палубе чеканным шагом подошел спецназовец со снайперской винтовкой за плечами и доложил по всей форме.

— Ладно-ладно, сынок, можешь вот ту золотоглавую подстрелить?

— Есть, — ответил лейтенант, выстрелил навскидку, без всякой подготовки, и попал. — Разрешите идти?

— Идите.

Надо было видеть, как корежило в улыбках натовских засранцев, а ящик тогда они все же выставили, хоть это по-честному...

А теперь вот личное дело на столе — Войнов Михаил Валентинович.

«Эх, Михаил... Не повезло тебе, Миша», — покачал головой Виктор Викторович и хлопнул рукой по папке.

— Добро, утверждаю.

Когда же адмирал отбыл, Батя, присев, перевел дух.

— Получилось.

Красногорск, «З ЦВКГ им. А. А. Вишневого» Минобороны России

Тихая звездная ночь, длинный переход между корпусами, у огромного панорамного окна с видом на заснеженные деревья и ночное небо одиноко притулилась инвалидная коляска, в ней мужчина лет тридцати. Лицо волевое, даже скорей суровое, с легкой щетиной, его можно было бы назвать привлекательным или даже красивым, если бы не характерная больничная бледность и неутешительное клеймо параплегии*.

Когда маешься несколько лет по госпиталям, рано или поздно приходит время подводить итог, а он, этот итог, мягко говоря неутешительный. Все что ниже двенадцатого ребра, уже не при делах, окончательно и бесповоротно, и даже в высшей инстанции обжалованию не подлежит.

Пять лет, целых пять лет он терпел, не давая себе слабину. Меж операций и реабилитаций Оружейник со свойственным спецназовцу неистовством до рвотных позывов тренировал, истязал и истязал то, что двигалось и жило еще в его теле. Так или иначе, его неистовое желание встать на ноги ни к чему не привело, разве что он научился самостоятельно испражняться и еще кое-каким другим суровым хитrostям спинальников.

Врачи очень хвалили и утверждали, что он уникал, — за столь короткий срок столько достиг, хотя Миху эта похвала не очень-то бодрила, она скорее даже злила.

Жизнь же за этими многострадальными стенами шла, бежала своим чередом. Теплые ливни сменялись холодными белыми мухами, и по кругу, по кругу. Сначала перестала в его палате появляться жена, следом реальная жизнь будто кислотой вытравила по очереди друзей и знакомых, а потом и знакомых знакомых, а родственников у Михаила и вовсе не было, какие родичи могут быть у ораниенбаумской сироты. В один из дней и телефон предал, умолк, и похоже, навсегда, будто ему безвозвратно электронный язык вырезали. Тот, кого когда-то называли Оружейником, никого не осуждал — у всех своя жизнь, и для того чтобы выжить, нужно движение, обездвиженные первыми сходят с дистанции благополучия, он же теперь тормоз, и на фиг никому не нужен в таком-то стремительном мире. Колясочник провел пальцами по влажному стеклу и тихо сказал:

— Битва проиграна, что ж, нужно дернуть за это, жаль, из гостей только звезды, — ладонь воина прижалась к стеклу, за которым, на небе, мерцали мириады огоньков. — Сколько же я не пробовал серьезный алкоголь? — спросил Михаил в тишине и тут же заключил: — Столько не живут.

Сидящий в коляске мужчина вынул из-за пазухи граненый, как же без него, ритуал, как-никак, и два флакона с медицинским спиртом — подгон от белых ангелов. Девчонок-сестричек он всегда защищал, даже теперь. К сожалению, похотливых имбецилов, считавших себя в праве по любому поводу, всегда и везде предлагать свои поношенные причиндалы, как какое-то благо, всегда в достатке. Миху еще уважали и старались не идти супротив отмороженного спецназовца, на лице которого нет-нет да и проявлялась в моменты раздражения маска бешеного, несломленного берсерка. Настоящий хищник даже с перебитым позвоночником остается опасным.

Михаил открыл флакон, вылил огненное пойло в стакан, полюбовался жидкостью. Сделал несколько подготовительных вдохов-выдохов. Задержал дыхание на половине выдоха, выпил, затем медленно вдохнул носом, выдохнул, еще немного подышал носом, пока не перестало жечь в пищеводе.

— Хорошо-то как! — расслабившись и успокоившись, выдохнул Оружейник.

Он еще долго смотрел на звезды, а звезды смотрели на него. Почему-то Войнов больше всего с детства любил смотреть на Большую и Малую Медведиц, нравились они ему, и все тут, опять же, кто в России не любит медведей — символ, как-никак.

— Привет, Медведи, куда идете?

— Домой, — ответили медведи, — и тебе пора, — и продолжили свой извечный путь.

— Верно, похоже, и мне пора.

Светало. Миха вынул длинный железный штырь, лично заточенный втихаря о кафель и хотел было вогнать успокоитель в грудь, как оглушительно заголосил телефон.

— Привет, солдат, — рявкнул до боли знакомый голос.

— Здравия желаю, товарищ капитан первого ранга, — как можно бодрее ответил Миха.

— Как ты?

— Безделье подчистую сожрало, даже ногтей не оставило, Батя.

— Представляю, у меня тут рядом, в Сосновом Бору, стрелковый клуб образовался, хороший тир, и все такое. Приглашаю, пожжем боезапас маленько, пусть люди полюбуются на заоблачную вышину. Покажешь свой класс желторотым птенцам. Да и дело у меня к тебе есть, рассчитываю, и не только я. Оружейник, если честно, ты позарез нужен. Хватит там прохлаждаться да сестричек щупать, делом нужно заниматься.

— Да я...

Его бесцеремонно прервали:

— Отставить плачь Ярославны! Все ты можешь, призвание и навыки не пропить и не потерять, это уже в крови. Надеюсь, наши эскулапы еще не всю кровь из тебя выпили?

— Да нет, этого добра еще навалом осталось, Батя.

— Вот и я говорю. Ну, не томи, устрою, как в «Хилтоне».

— Согласен, — сквозь сжатые зубы выдавил Михаил, едва сдерживаясь. По его суровому лицу текли слезы, беззвучно, как и подобает снайперу.

В Пулково его встречал сам Батя, увидев, прищурился, пригляделся и заявил:

— Зато руки как нужно прокачал.

— Здорово, Бать!

— Здорово, Оружейник! — обнялись, как смогли. — На Ваську к тебе заглянем? Жена, друзья?

Оружейник отрицательно покачал головой.

— Все ластиком стерлись.

Трешку на Васильевском острове он давно приобрел, да вот обжить как-то не сподобился, что там, на обои смотреть, что ли.

— Понял, — буркнул понятливый полковник.

До Соснового Бора доехали быстро, остановились только в Ораниенбауме, Оружейник попросил переехать железнодорожный переезд, тот что у Железнодорожного вокзала, и проехаться по Угольной стенке, всласть подышать родным воздухом Рамбова да на Финский с Кронштадтом полюбоваться. На пограничном посту в Лебяжьем их машину даже не тормознули, здесь знали Батю.

Тир под вывеской «Мишень» откровенно разочаровал. Да, чистенько, в фойе на ресепшене девочка красивая, да, все функционально, современное антирикошетное покрытие, отличная

освещенность, оружейное разнообразие, двадцатипятиметровая галерея, стояли стрелковые столы, упоры с оптикой отслеживания выстрела. На втором этаже — галерея пятидесяти метров в длину. Но все это как-то по-граждански, да и непривычной суеты у стрелкового барьера было чрезмерно много. В тире находились сразу несколько молодежных компаний.

Двое парней, видимо, вдохновившись реконструкцией Великой Отечественной, бессмысленно жгли боеприпас из ППШ. На крайней дорожке задорно смеялись яркие девушки, вызывающе одетые, явно не для тира, судя по всему, забавлялись девяното второй «Береттой».

Инструктор, слегка седой мужчина, похоже, потерял контроль, скорее всего, сейчас больше думая не о калибре 9х19 и пятнадцати патронах в магазине «Беретты», а о выставленных напоказ параметрах 90-60-90. Нет, нарушений стрелкового кодекса Оружейник не заметил, просто армейская привычка — вторая натура, и хаоса она не терпела, однако сказать что-либо Войнов не осмелился.

Офицеры снова спустились на первый этаж и проследовали через ресепшен влево. Попали в непонятно куда ведущий узкий коридор с низкими потолками, будто вырубленный в массиве бетона. Он заканчивался узкой, подозрительно добротной стальной дверью, ведущей то ли в бывшую щитовую, то ли в подсобку уборщика. Внутри на полу лежал желто-грязный обшарпанный кафель с прорехами, по центру стояли две древние спортивные лавки, а по периметру — старые, ржавого цвета упадка и запустенья шкафчики с номерами, нанесенными когда-то белой краской. Батя, не смущаясь, заскрипел створками одного из раритетных шкафчиков, на удивление, достав оттуда два стакана и на первый взгляд настоящий «Бакарди».

— За встречу и наших по капле. Не против?

— Давай. Морские демоны при встрече завсегда ромом своих поминают, — осипшим голосом обмолвился Миха.

Полковник помолчал, скрипнул зубами и слегка вдарил кулаком в плечо бывшего подчиненного:

— Все будет путем, Оружейник, — разлили, не чокаясь накатали. — Здесь поговорим?

Михаил кивнул.

— Что скажешь про объект?

— Батя, без обид, тир хороший, и это пистолетный тир, но настоящие игрушки здесь использовать баловство одно — сотка нужна хотя бы. Кто ты здесь, Батя?

Капитан первого ранга пожал плечами:

— Никто, рядовой член клуба. Тимур Вячеславович, директор «Мишени», сосед мой, дружим.

— Ясно, темнишь ты, Батя. Сидим в какой-то бичарне, с дверью, на которую пластид тратить жаль, думаю, и килограмма мало будет.

Старший по званию заулыбался:

— Глаз-алмаз, моя школа. С дверью, согласен, упущение, исправим, завтра же закамуфлируем под щитовую, «осторожно — убьет», и все такое. На вот, подпиши о неразглашении.

Оружейник прямо на подлокотнике инвалидной коляски, не читая, подмахнул. Батя, довольный, встал, поставив свой бокал на скамейку, подлил собеседнику, подмигнул:

— Теперь можно и серьезно поговорить. Ты прав в своих выводах, тир — это лишь прикрытие. Прежде чем предложить тебе службу, от которой ты вряд ли откажешься, расскажу небольшую предысторию, чтобы тебе понять, что тут и как тут.

Когда-то коллективы атомных станций СССР активно соревновались между собой — бокс, биатлон, тяжелая атлетика, стендовая стрельба и еще много чего, и уж поверь мне, это были настоящие баталии, кровь и пот, по телевизору такого не покажут. В 1990 году ЛАЭС стала фактически чемпионом СССР. Такие результаты были достигнуты благодаря СТК «Нейтрон», тир — это тоже «Нейтрон», кстати, стрелок Владимир Гончаров, пятикратный чемпион Европы, — воспитанник этого тира. К середине девяностых все здесь ушло под нож по примеру страны.

С 1979 по 1981 на ЛАЭС вводили в эксплуатацию третий и четвертый энергоблоки, стройка была грандиозной, в это же время начал строиться и «Нейтрон», тогда еще здесь не было тира, только огороженная и с хорошей охраной воинская часть 02342 и якобы отстойник цементовозов для работы на ЛАЭС. На самом деле здесь строили секретный объект с таким же кодовым именем 02342. Суть проста, на глубине трехсот метров из стали и бетона создавали кокон с внутренним объемом, сравнимым с будущими перспективными субмаринами, для обкатки новых технологий и систем. В три смены трудились лучшие специалисты, потом, когда здесь уже стоял тир, втихаря, вахтовым методом работали, но в 1991 году 02342 и вовсе заморозили, законсервировав.

В стране бардак, предатели у власти, да ты и сам все знаешь, и только года три назад в одной из неназываемых лабораторий Минатома произошел, как утверждает руководитель, настоящий прорыв в будущее. Вот тогда о подземной субмарине вспомнили. Там, — Батя указал пальцем вниз, — все уже готово. Испытания начнутся двадцать седьмого ноября, объекту предстоит год автономки. Нужен бессменный вахтенный.

— Я? — спросил с надрывом Михаил.

— Ты.

— Батя. . . ты. . . — горло офицера сдавило, он не смог сдержать слезы. Полковник обнял одного из своих сынов и лучшего, как он считал, воина, участливо протянул стакан с ромом. — Ты меня просто спас, опять спас, Батя.

— На, глотни бальзаму и не думай, что будет просто, отстреливать придется много, но ты этолюбишь.

— Как отстреливать? Зачем? — удивился враз успокоившийся Оружейник.

— Да все просто, поскольку это прорыв в технологиях, объект засекретили в лучших традициях отцов и дедов. Полноценный экипаж — это больше ста человек. Так?

— Так, — согласился Михаил.

— Кто ж на такое пойдет, при такой-то секретности, и где взять столько толковых людей с нужным доступом, да еще довести их до приемлемого уровня слаженности? Да и чего греха таить, с денежными знаками сейчас, сам знаешь, дыра черная. Думали-думали и решили действовать нестандартно и, по-моему, по-военному изящно. Совместили концепцию подводной

лодки и стрелковой галереи — тот еще симбиоз. На первый взгляд идея кажется безумной, но только на первый. Стрелок в этой идее центральная фигура, а его задача на галерее — пороховые газы в загерметизированном коконе, которые станут едва ли не большим раздражителем для регенерации воздуха, чем жизнедеятельность сотни человек. С атомной силовой установкой оказалось еще проще, все данные вывели на пультах вовне, где-то на территории ЛАЭС, за тобой только наблюдение и доклады о твоём самочувствии. Как тебе?

— Фантастика! — восторженно ответил Оружейник.

— Вот и я говорю. Правда, к твоим обязанностям есть небольшое, но хлопотное обременение, винюсь, и сам до последнего не знал. Испытательница у тебя будет на попечении, маленькая блондинка, красивая, и главное, молчунья, — и Батя заржал — люди так не смеются, этак только лошади могут, ну а Батя, Батя исключение из рода человеческого. — Да-а-а. . . вахтенный капитан, видел бы ты свое перекошенное лицо, будто касторку с ромом перепутал. Да не трясись ты так, сейчас покажу тебе красавицу четырехлапую, — полковник опять заскрипел ржавыми створками уже углового ящика и достал клетку, поставив ее на лавку. — Знакомься, твоя подопечная.

В клетке сидела странная бедная крыса, большая, белая, с нехарактерными ломаными мазками серого цвета, больше смахивающими на камуфляж. Почему странная и бедная? Да потому что выглядел этот зверек от вживленных датчиков и пупырышек выведенных антенн, как инопланетянин.

К клетке крепилась двусторонняя прозрачная табличка из оргстекла, где на вложенной разлинованной белой картонке было написано: «Лабораторная крыса Тигра». Слово «лабораторная» было жирно перечеркнуто, сверху подписано «судовая», а снизу той же рукой выписано: «Принята на полное довольствие в качестве юнги. Кормить, любить, жаловать, по возможности воспитывать». В верхнем правом углу этого минипаспорта красовалось: «Утверждено капитаном первого ранга БФ, Батиным Сергеем Павловичем». Ниже — подпись.

— На такую подругу я согласен, — заявил Оружейник, смотря на крысу. — Мы с тобой одной крови, Тигра. Оба мы подопытные.

Та встала на задние лапы, заводила головой из стороны в сторону, принюхиваясь к запаху человека, смотрящего на нее, и звонко пискнула — типа ответила.

— Ну вот и познакомились, хорошо. Пора отправляться к месту службы, берем мелкую и вперед.

Батя подошел к чугунной выдавшей вида батарее и повернул по часовой стрелке заглушку. Противоположная стена вместе со шкафчиками совершенно без шума вдавилась и ушла вниз, открывая доступ к большому блестящему грузовому лифту фирмы «Otis».

— Как всегда, шифруемся? — съязвил Оружейник.

— Здесь ты прав, впрочем, это никогда не помешает, лучше перебдеть, опять же, и служивым поспокойнее.

Лифт ухнул вниз.

— Знаешь, и тебе, наверное, как стрелку будет приятно узнать, что за твое вынужденное отсутствие многое произошло, отрадно, что в положительную сторону. Наконец и до снайперских комплексов руки у государства дошли, а после известных событий на Востоке и

пиратских атак у берегов Африки эта работа и вовсе сейчас в приоритете. У тебя там, — Батя указал большим пальцем вниз, — будет много из нового, вот и протестируешь всласть.

— Согласен, такое приятно слышать. А сколько туда? — Оружейник повторил жест своего командира.

— Ствол шахты триста метров, защита в такой слой железобетона, что ее и прямым попаданием американского «Пискипера»* не поколебать.

Оружейник уважительно присвистнул. Лифт остановился, мужчины вышли, вернее, Сергей Павлович вышел, а Михаил выкатился. Тут же механизмы опустили стальную плиту, закрыв возврат к лифту. Автоматически включился тусклый свет, явив небольшой серый тамбур из шершавого бетона, с одной стеной из сплошного металла, по центру ее был люк-дверь, как в банковских хранилищах, рядом — кодовый электронный замок.

— Слышь, Батя, раньше я такое только в кино видел, впечатляет.

— Да я и сам мелко трясусь каждый раз, когда сюда спускаюсь, боюсь когда-нибудь окончательно здесь мумифицироваться. Представляешь, три ошибки, и все, нас из этого склепа даже горноспасатели с лучшим горнопроходческим комплексом не достанут.

— Батя, ты уж, пожалуйста, код там свой не перепутай, а то я от любопытства быстрее кончусь, чем от удушья, да и юнгу жалко.

Полковник тряхнул слегка клеткой в левой руке:

— Юнга, это, конечно, да, ей, бедняге, еще столько всего сделать нужно, ты уж там получше пригляди за девочкой.

Капитан первого ранга набрал код и отошел, громко щелкнул запорный механизм, крышка дернулась и медленно, по сантиметрам стала открываться, шипя, как рассерженная змея, — видимо, не любила всяких там пускать в свою сокровищницу.

— Заметь, Войнов, здесь не развернуться, узковато, да? Архитектор, да и строители, те, что строили, не зря хлеб оборонки жрут. Все продумали, черти головастые. Воздуха тут почти нет, через час спичка тухнет, а если взрывом эту махину брать, укрыться негде, и сколько тонн пластида потребуется, думаю, даже создатель этой бронированной твердыни не знает. Только представь, вход двухметровой толщины, стальная плита, по самое не могу утопленная в крепчайший железобетон, а сам внутренний кокон, по моей инфе, толщиной более двадцати метров, из того же железобетона. Правда жесть? Сам каждый раз сглатываю, когда задумаюсь об этом.

— Согласен, это уже точно на уровне наших дедов, есть чем гордиться. Слышь, Батя, я тут тебе идею с подработкой подкидываю, забирай сюда золотой запас страны под охрану, здесь, пожалуй, безопаснее будет, чем в Гохране.

Батя ухмыльнулся:

— Идея неплоха, только тут и так ценностей по самое горло. Даже если представить, сколько может стоять эта вся прорывная хрень, что здесь размещена, затылок чесаться начинает. Ладно, двинули!

Сначала прошел Батин, потом коляска, а следом сам Оружейник питоном вполз внутрь.

— Ни хрена се, — вырвалось из уст Михаила.

Они оказались на деревянной полукруглой платформе, собранной из массивного лиственного бруса в центре огромной рукотворной пещеры. По периметру, как лепестки ромашки, располагались подсобные помещения мастерских, а стеблем выступала штольня, обряженная в железобетонные кольца, вполне себе метрополитеновского размера, освещения платформы не хватало, чтобы увидеть ее конец. У самой платформы на рельсах стояла пристрельная радиоуправляемая дрезина с разнообразными мишенями.

— Давай, Миха, включи освещение стрелковой галереи! — полковник протянул пульт, добавив: — Большая зеленая.

Оружейник нажал кнопку, от вида убегающих вспышек света аж дыхание сперло.

— Ух, двести, — едва ли не выкрикнул стрелок.

— Не глаз у тебя, Миха, а форменный лазерный дальномер, все верно, двести метров. Надеюсь, хватит.

Батин с удовольствием наблюдал за сияющим лицом боевого товарища. Оружейник, похоже, говорить не мог, но жестом у горла показал, что очень хватит, даже с избытком.

— Пристрелочная тележка управляется вот этим, — полковник слегка нажал небольшую кнопку на пульте, и немаленькая дрезина, тихо засвистев электрическим приводом, со скоростью болида ринулась к дальней отметке. На большом табло над штольней замигали цифры, отсчитывающие расстояние удаления. — Тут же на пульте можно заранее задать расстояние.

Полковник подтвердил свои слова действиями, а Оружейник повторился:

— Охренеть.

— Ну, погнали дальше смотреть твою вотчину.

«Вотчина» превзошла все ожидания Михаила, он о таком даже не мечтал, в его распоряжении теперь была станочная с его любимыми «Торносами»*, слесарная, кузня, закалочная, материальная, где, казалось, находилось все, от акульей кожи и железного дерева до булата в слитках.

А полковник продолжал и продолжал экскурсию по современной пещере Али-Бабы. Остановившись у одной явно бронированной двери со знаком «Осторожно! Радиация! », указал на него:

— Заметь, у комплекса автономка полная, и не только энергия, вода, канализация — все продумано, как на последних подлодках. Причем яйцеголовые от Минатома здесь поставили какой-то свой последний агрегат и раз в год будут наведываться к тебе с инспекцией, хотя все данные они и так снимают. Так что за этой дверью вотчина не наша, сюда даже не суйся. Ну, вот и жилой бокс. Тут все, как обещал, даже тренажерный зал с небольшим бассейном есть и зал процедурный. Процедурный — это скорее медицинский бокс, с лампами там всякими, все-таки тебе придется ежедневно посещать это подземелье. До начала эксперимента каждый день к тебе будут спускаться два уборщика и врач. Не обессудь — устав. Знаю, ты с людьми не очень сходишься, поэтому потерпи и выявляй, чего здесь еще не хватает. Не против?

Оружейник, все понимая, кивнул.

— Согласен, значит, с работой?

— На все сто, Батя, и спасибо тебе, не подведу.

— Ну и ладушки. Тогда двинули в оружейку. Думаю, я тебя еще удивлю.

— Куда уж больше, я и так как пацан десятилетний, впервые попавший в Центральный Детский Магазин на Лубянке.

— Пожелания, просьбы есть?

— Есть, командир.

— Давай!

— Как я понимаю, у нас на поверхности есть пошивочный цех по спецуре?

— Да, шьем. Даже мешки под песок для стрелков, подсумки, разгрузки, горки. Ассортимент большой. Тебе что-то нужно?

— Да, нужно пару-тройку комбезов из перфорированной парусины, пусть девчата сошьют на меня, и еще хороший скотч, все. Мокасины и усилители я и сам сошью. Батя, как ты посмотришь, если я буду передвигаться по-пластунски? Знаешь, как осточертела коляска, если честно, я ее боюсь даже больше Деда Мороза в детстве.

— Ты боялся Деда Мороза? — капитан первого ранга улыбнулся.

— Здесь нет ничего необычного, Батя, просто логика. Посуди сам, огромный дед, в руках дубина с наверху, за плечами мешок. Живет где-то в глубоком лесу, носит парик и бороду с усами из свалявшейся ваты — видимо, не хочет, чтоб его истинное лицо видели. Никто не знает, где именно этот гражданин живет, и есть ли у него паспорт. Добрые люди не ведут подобный образ жизни. Остановить его не может ни милиция, ни полиция, и даже ПВО ничего с ним сделать не может. Приходит, когда хочет, обычно ночью, дарит сомнительные ненужные подарки и оставляет записки, бросающие в дрожь, типа: «Слушайся маму и папу, я слежу за тобой всегда и везде». Жуть же, после этого и в туалете не расслабишься, кто же любит, когда за ним подглядывают?

Батин весь этот монолог ржал, как умалишенный, утирая слезы:

— Понял, тебя, Оружейник, на елку не приглашаем. А насчет передвижений, делай как тебе удобней и запомни: здесь, — полковник обвел помещение руками, — место твоей ответственности, ты здесь царь, бог и охрана в одном лице, если, конечно, не считать юнгу. Без твоего ведома сюда только со свинцом в голове могут войти, даже я. Берешь объект под охрану?

— Через час, Батя, объект будет под охраной, я уж постараюсь.

— Вечером принесу документы на подпись.

Полковник посмотрел и сморщился.

«Не хочет уходить отсюда», — прочитал Оружейник выражение его лица.

— Слушай, мне уже давно бежать нужно, оружейку сам посмотри. Думаю, тебе будет приятно. В общем, ты в неплохой норе, у всех телефонов в бункере есть экстренные списки, там и мой на всякий. Нужно будет что-то — звони. Комбезы сегодня же закажу. Твои размеры я еще пом. . .
— на последнем слогe Батя осекся, нахмурившись и окинув бывшего подчиненного придирчивым взглядом. — Ну да, ну да, больницы никого не красят. И отставить сутулиться! Все, бывай, брат, — полковник стремительно пошел к лифту, а когда его двери распахнулись, обернулся и успел сказать: — Боезапас не жалея, жги сколько душе угодно и из чего угодно.

Лифт закрылся. Михаил остался в так нужном ему раю один.

* Ноль два триста сорок два.

* Паралич обеих конечностей.

* «Миротворец», американская тяжелая межконтинентальная баллистическая ракета шахтного базирования.

* Высокоточные швейцарские станки.

<http://tl.rulate.ru/book/15403/304841>